ПОКА ОСТЫВАЕТ КОФЕ

ЧУЖОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ



Врач признал её опасной для дочери.
Она его ни разу не видела.

ЭНН ГРЕЙ

РОМАНТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

16+

Энн Грей

Чужое заключение

«Автор»
2026

Грей Э.

Чужое заключение / Э. Грей — «Автор», 2026

В заключении психолога сказано, что Ксения Лаврова опасна для собственной дочери. Ксения никогда не была у этого психолога. Но под согласием на приём стоит её подпись: размашистая «Л» с длинным хвостом. От настоящей не отличить.Завуч и учительница химии с Васильевского острова, она с марта носит чёрное и просыпается в половине пятого, в тот час, когда позвонили из больницы. Бывший муж забирает восьмилетнюю Майю и подаёт в суд. В приложениях к иску её бессонница, её таблетки, её слёзы на кухне. Откуда они знают?У дверей того же медицинского центра третий год сидит на скамейке бывший спецназовец с овчаркой. Его сына отняли по такому же заключению. Он предлагает помощь. Только у Егора своя тайна, а тот, кто подделал подпись, ближе, чем кажется.Романтический триллер 16+.

© Грей Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воскресенье, семь вечера 5
Глава 2. Характеристика 9
Глава 3. У дверей «Гармонии» 13
Глава 4. Исковое 17
Глава 5. Акт обследования 21
Глава 6. Не её слова 24
Глава 7. Остановившиеся часы 28
Глава 8. Подпись с приказа 31
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Энн Грей
Чужое заключение

Глава 1. Воскресенье, семь вечера

Форма висела на дверце шкафа с шести. Белая блузка, синий сарафан с эмблемой гимназии на кармане, колготки без затяжек — Ксения проверила на свет у окна. На столе в детской лежала тетрадь по русскому, открытая на букве «Ж». Майя в пятницу не дописала упражнение: «Ж» у неё упрямо заваливалась вправо, как пьяный жук, и учительница обвела её красным. Ксения положила рядом ручку и ластик, чтобы утром не искать.

В половине седьмого она поставила чайник. Налила себе зелёный, с мятой, и оставила остывать на подоконнике. Кофе она не пила с марта: от кофе не спала. Без кофе тоже не спала, но так хотя бы было не обидно.

В семь Майи не было.

Тимур привозил её всегда в семь. Так они договорились два года назад у юриста, на бумаге, и ни разу не нарушили. Ни разу. Тимур был человеком ненадёжным почти во всём, но расписание соблюдал, потому что расписание за него думало. Ксения знала его машину по звуку: у старого «Ниссана» визжал ремень на холодную. Она стояла у окна на кухне, держала остывающий чай и слушала Тринадцатую линию. Машины проезжали. Ни одна не взвизгнула.

В семь пятнадцать она позвонила. Длинные гудки. Позвонила ещё раз. Сброс.

Ксения написала: «Вы где? Пробки?»

Сообщение прочитали сразу. Две синие галочки. Ответа не было минуту, две, пять. Она стояла с телефоном и смотрела, как наверху экрана висит «печатает…» и исчезает, и появляется, и снова исчезает. Так печатают, когда пишут длинно, а потом стирают. Или когда за плечом кто-то диктует.

В семь сорок две пришло два сообщения подряд.

Первое было фотографией. Лист бумаги на столе, снятый сверху, при хорошем свете. Шапка: «Медицинский центр „Гармония“. Заключение специалиста». Ниже её фамилия. Ниже текст, мелко. Она увеличила, пальцы не слушались, экран дёргался. «…эмоциональная неустойчивость… нарушения сна… импульсивность… риск для психологического благополучия несовершеннолетнего ребёнка…» Подпись. Печать.

Второе было текстом.

«Ксюша, Майя останется у меня. Ты больна, тебе нельзя сейчас одной с ребёнком. Это не я придумал, это врач. Я подал в суд, он разберётся. Пожалуйста, не приезжай. Если приедешь, мы вызовем полицию. Лечись. Мы тебя все любим».

Ксения прочитала два раза. Потом третий, медленно, по словам, как читала контрольные девятиклассников, когда подозревала, что списано.

«Мы вызовем полицию». «Мы». «Лечись».

Тимур не писал «лечись». Тимур писал «выздоравливай», с ошибкой, «выздаравливай», двенадцать лет подряд. И Тимур не писал длинных сообщений, он писал по одному слову и смайлик.

Она надела куртку поверх домашнего свитера, сунула ноги в кроссовки, не развязывая шнурков. Взяла ключи от машины. На подоконнике остался чай, уже совсем холодный, с мятным листом на дне.

До Комендантского она доехала за двадцать шесть минут. В воскресенье вечером город был пустой, мокрый, светофоры мигали жёлтым над пустыми перекрёстками. Ксения ехала и

считала про себя, чтобы не думать: сорок три, сорок четыре, сорок пять. Так она учила считать Майю, когда та боялась темноты.

Тимур со Златой жили в новом доме на двадцать два этажа, из светлого кирпича, с консьержем и шлагбаумом. Квартиру они купили год назад, Ксения знала, потому что Майя рассказывала: «У папы теперь лифт говорит, какой этаж». Консьерж посмотрел на неё через стекло, спросил, к кому. Ксения назвала квартиру. Консьерж позвонил наверх, послушал, положил трубку.

— Не ждут, — сказал он виновато.

— Там моя дочь.

Он развёл руками.

Она дождалась, пока из лифта выйдет женщина с собакой, и прошла в закрывающуюся дверь. Консьерж крикнул что-то вслед. Лифт сказал женским голосом: «Пятнадцатый этаж». Двери разъехались.

Она позвонила. Подождала. Позвонила ещё раз, долго, не отпуская кнопку.

Открыла Злата.

Ксения видела её до этого раза четыре, мельком: на школьном празднике, в машине Тимура, на фотографиях, которые Майя показывала с телефона. Вблизи Злата оказалась невысокой, тонкой, с гладкими волосами цвета мёда и очень ровной кожей, на которой не было ни одной морщинки, хотя ей было за тридцать. Кашемировый домашний костюм, молочный. Босиком. От неё пахло чем-то дорогим и горьковатым.

— Ксения, — сказала Злата. Не «здравствуйте». Просто имя, ровно, как ставят диагноз. — Вам же написали. Не надо было приезжать.

— Где Майя?

— Майя спит.

— В восемь вечера?

— Она устала. — Злата держала дверь, не открывая шире. — Мы гуляли весь день. Ей надо отдохнуть. И ей не надо сейчас видеть… — Она подобрала слово: — …волнения.

— Пустите меня к дочери.

— Нет.

За её плечом, в коридоре, Ксения видела розовый рюкзак с единорогом, Майин, школьный. Он стоял у стены, раздутый, набитый. Из бокового кармана торчала Майина пижама с котами. Та, которую Ксения в пятницу положила в другую сумку, в выходную, маленькую. Значит, пижаму переложили. Значит, рюкзак собирали здесь, с вечера. Значит, это решили не сегодня.

В глубине квартиры открылась дверь.

— Мама?

Голос Майи. Сонный, тонкий, вопросительный, такой, каким Майя говорила по утрам из-под одеяла.

— Майя! Майечка, я здесь!

Ксения шагнула вперёд, и Злата шагнула навстречу, не пуская, ладонью в грудь. Ладонь была лёгкая, но твёрдая. В коридоре появился Тимур. В трениках и футболке, с телефоном в руке, растрёпанный. Он посмотрел на Ксению, потом в пол.

— Майюш, иди в кровать, — сказал он, не оборачиваясь. — Мама сейчас уйдёт.

— Мама!

— Иди, зайка. Злата сейчас придёт.

Где-то в глубине квартиры закрылась дверь. Мягко, до щелчка.

— Тимур, — сказала Ксения. — Тимур, посмотри на меня.

Он посмотрел. У него были красные глаза и небритые щёки. Он был похож на человека, который сутки не спал и уговаривал себя, что делает правильно.

— Ксюш, — сказал он. — Ты больна. Ты сама знаешь. Ты не спишь с марта. Ты пьёшь таблетки. Ты плакала на родительском собрании, мне Майя рассказала. Тебе надо лечиться. Это не я, это врач написал. Я не хочу тебе плохого. Я хочу, чтобы Майе было хорошо.

— Какой врач? Я ни у какого врача не была.

— Ксения. — Злата сказала это мягко, с той интонацией, с какой говорят с ребёнком, который не хочет надевать шапку. — Вы были. В июне. Вы просто не помните. Это тоже часть… — Она снова помолчала. — Тимур, я вызываю полицию.

Она уже набирала. Тимур дёрнулся, будто хотел её остановить, и не остановил.

Полиция приехала через сорок минут. Всё это время Ксения сидела на ступеньке у мусоропровода, на пятнадцатом этаже. Открыла на телефоне заметки и записала, как записывала инциденты на переменах: время, кто, что сказал. «19:42 — сообщение Т. 20:16 — дверь открыла З. 20:18 — голос Майи "мама?", дверь закрыли. 20:21 — З. вызывает полицию». Пальцы дрожали, буквы прыгали. Она дописала и смотрела на закрытую дверь квартиры.

Один раз она позвонила брату. Фёдор взял трубку на шестом гудке, на фоне гремела музыка и кто-то смеялся.

— Ксюх? Ты чего в воскресенье?

— Тимур не вернул Майю. У него бумага от психиатра, что я больная.

Музыка стала тише: Фёдор, видимо, вышел куда-то, хлопнула дверь.

— Чего? Какая бумага?

— Заключение. Что я опасна для ребёнка.

Фёдор ответил не сразу. Ксения слышала, как он дышит, тяжело, с присвистом, как дышал всегда после третьей рюмки.

— Я ж тебе говорил, — сказал он наконец. — Тимур этот не так прост, как прикидывается. И бабу себе нашёл ушлую. — Пауза. — Слушай, я сейчас не могу приехать, я не за рулём. Завтра наберу. И это… если адвокат нужен, у меня денег нет, сама знаешь. Я сам по уши.

— Я не просила денег, Федя.

— Ну да. — Он вздохнул. — Ладно. Держись, сеструх. Мама бы…

Он не договорил, что мама бы. Отключился.

Ксения убрала телефон в карман. За дверью было тихо. Один раз ей показалось, что она слышит Майин плач, и она встала, и подошла, и приложила ухо к двери. Тишина. Потом зашумел телевизор, громко, мультики. Злата включила.

Полицейских было двое: молодой, высокий, с усталым лицом, и женщина, капитан, лет сорока пяти, в форменной куртке, плотная, с короткой стрижкой. Они выслушали Злату у двери, потом Тимура, потом Ксению на лестнице.

— Решение суда о месте жительства ребёнка есть? — спросила капитан.

— Нет. Есть соглашение. Майя живёт со мной, к отцу по выходным.

— Нотариальное?

— Нет. У юриста подписывали. Просто подписывали.

— Ну вот. — Капитан вздохнула. — Значит, по закону вы равны. Оба родители. Отец имеет такие же права, как вы. Забрать ребёнка силой нельзя ни ему у вас, ни вам у него. Мы тоже не можем. Это гражданско-правовой спор, решается в суде.

— Он не вернул мне дочь.

— Я понимаю. — Капитан посмотрела на неё внимательно, по-женски, без формы. — У меня у самой двое. Я понимаю. Но ребёнок у родного отца, в нормальной квартире, спит в кровати, никто его не обижает. Повода изымать нет. Пишите заявление, если хотите, примем. Идите в суд. Идите в опеку. Срочно.

Молодой полицейский что-то записал в планшет. Капитан повернулась к Тимуру, который стоял в дверях, держась за косяк.

— А вы, папаша, ребёнка от матери не прячьте. Суд этого не любит.

— Я не прячу, — сказал Тимур тихо. — Я просто… Это врач сказал.

Злата за его плечом смотрела на Ксению. Без злости, без торжества. Спокойно и внимательно. Прикидывала, сколько времени займёт работа.

Ксения спустилась на лифте. «Первый этаж», сказал женский голос. Консьерж отвёл глаза.

Машина стояла у шлагбаума, под фонарём. Ксения села, закрыла дверь, положила руки на руль и сидела так, не заводя мотор. Стекло запотело от дыхания. На заднем сиденье лежала Майина резинка для волос, розовая, с плюшевым помпоном. Ксения не стала её трогать.

Потом включила свет в салоне. Достала телефон. Открыла фотографию.

Она читала заключение так, как читала протоколы лабораторных: сначала шапку, потом методику, потом результаты, потом подпись. Шапка: «Медицинский центр „Гармония“». Адрес: Большой Сампсониевский проспект, дом номер, офис. Лицензия номер. «Заключение специалиста по результатам психологического и психиатрического обследования». ФИО обследуемой: Лаврова Ксения Валентиновна. Дата рождения: её. Методика: клиническая беседа, тесты, названия которых она не знала. Результаты. Подпись: врач-психиатр Гольдин Л. М. Печать.

Дата обследования: восемнадцатое июня.

Ксения смотрела на эту строчку.

Восемнадцатого июня, в четверг, она с девяти утра до пяти вечера сидела в жюри городской олимпиады по химии для восьмых классов. В большом зале с колоннами, за длинным столом, покрытым зелёным сукном. Рядом с ней сидели ещё шесть членов жюри, напротив — сорок два участника, в коридоре — их учителя и родители. Она проверяла задачи на растворы, подписывала протоколы, ставила баллы. В обед ела бутерброд из пакета, не выходя из зала. Её фамилия стояла в приказе комитета по образованию, на сайте, в протоколах, на табличке на столе.

Восемнадцатого июня её не могло быть ни в каком медицинском центре на Большом Сампсониевском.

Её там и не было.

Глава 2. Характеристика

В понедельник Ксения пришла в гимназию в семь сорок, как всегда. Расписание за неё думало, как за Тимура: если идти по расписанию, ноги не подкашиваются.

Гимназия занимала старое здание на Среднем проспекте, бывшее училище, с чугунной лестницей и окнами до потолка. На первом этаже пахло хлоркой и булочками из столовой. Вахтёрша Римма Фёдоровна кивнула ей из-за стекла, как каждое утро, и посмотрела чуть дольше, чем каждое утро. Значит, уже знает. В родительском чате второго «Б» с вечера висело сообщение Тимура: «Майя на этой неделе будет приходить со мной или с Златой, по всем вопросам пишите мне». Девятнадцать мам поставили сердечки, не читая. Одна, Олина мама, написала Ксении в личку: «Ксюш, всё нормально?» Ксения не ответила.

Учительская была пуста. Ксения разложила на столе журналы, расписание замен на неделю, приказ о школьном этапе олимпиады: подписать у директора до девяти. Включила чайник. Посмотрела на часы над дверью. Восемь ноль пять. Второй «Б» начинал в восемь тридцать, Майю приводили к восьми двадцати.

В восемь девятнадцать она вышла в коридор первого этажа, к раздевалке младших классов.

Злата пришла в восемь двадцать одна. В светлом пальто, в солнечных очках, хотя на улице с утра лило. Держала Майю за руку. Майя шла в той самой форме, которую Ксения вчера вешала на шкаф, только сарафан был другой, новый, с этикеткой, торчащей из-под воротника. Розовый рюкзак с единорогом на одном плече.

Майя увидела её от двери.

Она вырвала руку и побежала, через весь холл, мимо раздевалки, мимо охранника, рюкзак бил её по спине. Врезалась в Ксению с разбегу, обхватила за пояс и спрятала лицо в её кофту. Ксения присела, обняла её, прижала. От Майи пахло чужим шампунем, клубничным. И ещё чем-то, домашним, своим, Майиным, что ни один шампунь не перебивал.

— Мама, — сказала Майя в кофту. — Мама, мама.

— Я здесь. Я здесь, зайка.

— Папа сказал, ты болеешь.

— Я не болею.

— А Злата сказала, ты не знаешь, что болеешь. Что так бывает.

Ксения подняла глаза. Злата стояла в трёх шагах, сняв очки, и смотрела на них спокойно. Как вчера.

— Майя, — сказала Злата ровно. — Мы опаздываем. Иди переобувайся.

— Не пойду!

— Майя. Папа просил.

Майя вцепилась крепче. Ксения чувствовала, как дрожат её плечи.

— Я её мать, — сказала Ксения Злате, не вставая. — И я завуч этой гимназии. Я сама отведу её в класс.

— Ксения Валентиновна.

Голос раздался сбоку, от лестницы, и Ксения узнала его раньше, чем повернула голову. Инна Сергеевна, школьный психолог. Пятьдесят лет, крупные бусы из янтаря, вязаная кофта, мягкие туфли, мягкий голос. Шестнадцать лет они проработали в одном здании, и за шестнадцать лет Ксения ни разу не слышала, чтобы Инна Сергеевна говорила громче, чем в кабинете с закрытой дверью.

— Ксения Валентиновна, — повторила Инна Сергеевна. — Пожалуйста. Не при детях.

Вокруг уже собирались. Первоклашки у раздевалки, мамы с пакетами сменки, охранник у турникета. Какой-то мальчик из третьего класса снимал на телефон, и его мама, не глядя, опустила ему руку.

— Майечка, — сказала Инна Сергеевна, наклоняясь. — Пойдём, я тебя отведу к Елене Андреевне. Мама сейчас занята, у мамы работа. А после уроков…

— Мама не занята!

— …а после уроков, — Инна Сергеевна мягко отцепила Майины пальцы от Ксениной кофты, один за другим, как снимают с ветки котёнка, — после уроков мы с тобой порисуем. Хорошо? Пойдём.

Майя оглянулась на Ксению. Ксения кивнула. Это было самое трудное, что она сделала за этот год, а год был такой, что трудного хватало: кивнуть дочери, чтобы она ушла с другой женщиной по лестнице.

Майя пошла. Оборачивалась на каждой ступеньке. Злата надела очки и вышла, не попрощавшись.

Инна Сергеевна вернулась через пять минут и сказала:

— Зайдите ко мне. Пожалуйста.

Кабинет психолога был на третьем этаже, в конце коридора, с табличкой «Тише! Идёт консультация». Внутри: мягкое кресло, стол с песочницей для игровой терапии, полки с игрушками, коробка салфеток на видном месте. Инна Сергеевна села за стол, Ксения в кресло, на край.

— Ксения Валентиновна. — Инна Сергеевна сняла очки и стала их протирать. — Я должна вам сказать, чтобы вы узнали от меня, а не из суда. В конце августа мне пришёл запрос. Официальный, от адвоката отца Майи. Характеристика на ученицу. Психологическая.

— И вы написали.

— Я обязана была ответить.

— Что вы написали?

Инна Сергеевна надела очки. Посмотрела на Ксению с той профессиональной жалостью, от которой хотелось встать и выйти.

— Правду, Ксения Валентиновна. Что девочка в последние полгода тревожна. Плачет на переменах. Хуже спит, судя по её рассказам. Что в рисунках у неё появились тёмные цвета. Что маму она часто рисует в чёрном.

— Я хожу в чёрном с марта, — сказала Ксения. — У меня умерла мама. Майина бабушка. Майя её любила. Конечно, она плачет. Конечно, она рисует маму в чёрном, мама и есть в чёрном.

Инна Сергеевна моргнула. Взяла салфетку из коробки, хотя плакать никто не собирался.

— Я… про бабушку не написала, — сказала она. — Я, наверное, должна была. Адвокат спрашивал конкретно про поведение, про динамику.

— Кто вам отдал запрос? Лично?

— Пришло по почте. На школьный адрес. Подписано… — Инна Сергеевна полезла в ящик стола, достала тонкую папку. — Мельник Арсений Игоревич. Адвокатский кабинет. Вот.

Ксения посмотрела на запрос. Аккуратный бланк, гербовая печать, ссылка на закон об адвокатуре. Ниже, мелко: «Прошу направить ответ в срок до 4 сентября».

Четвёртое сентября. За девять дней до того, как Майю не вернули.

— Инна Сергеевна, — сказала Ксения. — Вы с кем-нибудь об этом говорили? До сегодняшнего дня? С отцом? С его женой?

Инна Сергеевна покраснела. Это было видно даже под пудрой: пятнами, от шеи вверх.

— Нет, — сказала она. — Что вы. Только ответила на запрос.

Она смотрела в стол.

На втором уроке у Ксении был девятый «А», реакции замещения. Она писала на доске уравнения, медь вытесняет серебро, железо вытесняет медь, и мел крошился у неё в пальцах. Класс сидел тихо, подозрительно тихо: девятиклассники всегда всё знают раньше учителей. На задней парте Гоша Вершков поднял руку.

— Ксения Валентиновна. А если металл активнее, он всегда вытеснит?

— Всегда, — сказала Ксения. — Если раствор подходящий.

— А если менее активный?

— Тогда ничего не будет. Он будет лежать в растворе и ничего не сможет сделать.

Гоша опустил руку и посмотрел на неё долго, внимательно, как смотрят взрослые, когда не знают, что сказать. Ксения отвернулась к доске и дописала уравнение.

После шестого урока она не пошла в продлёнку, куда обычно забегала к Майе. Майю забрала Злата, без десяти два, Ксения видела из окна учительской: светлое пальто, розовый рюкзак, машина у ворот, белая, большая. Майя не оборачивалась.

В три её вызвал директор.

Борис Ефимович сидел в своём кабинете под портретом Менделеева, который повесила ещё его предшественница, и крутил в пальцах ручку. Ему было шестьдесят два, он преподавал физику сорок лет и боялся двух вещей: проверок комитета и родительских чатов.

— Ксения Валентиновна, — сказал он. — Присядьте. Я, конечно, всё понимаю. Семейное. Тяжёлое. Мама ваша, царствие ей небесное. А тут ещё это.

— Что «это», Борис Ефимович?

Он вздохнул и повернул к ней монитор. На экране было видео, снятое утром в холле: она на корточках, Майя у неё на шее, Злата в очках, Инна Сергеевна отцепляет детские пальцы. Видео было в чате третьего «А», с подписью: «У нас завуч с ребёнком воюет, жесть».

— Сорок минут назад выложили, — сказал директор. — Уже двести просмотров. Мне звонили из родительского комитета. Ксения Валентиновна, может, вам взять отпуск? За свой счёт. На месяц. Пока всё уляжется. Я подпишу задним числом, никто не спросит.

Ксения смотрела на экран, где она сама, чужая, снятая сверху, сидела на полу и держала дочь.

— Нет, — сказала она.

— Ксения Валентиновна…

— Борис Ефимович. Если я сейчас уйду в отпуск, это будет ещё одна строчка в их деле. «Мать не справляется, оставила работу». Мне сейчас нельзя ничего оставлять. Ни работу, ни расписание. Ничего.

Директор посмотрел на неё поверх очков и положил ручку.

— Видео я попрошу удалить, — сказал он. — Родителей успокою. Но если будет проверка…

— Если будет проверка, я сама к ней подготовлю все документы, — сказала Ксения. — Как всегда.

Он кивнул. Ему, кажется, стало легче: ответственность снова лежала на ней.

Олина мама написала снова: «Ксюш, я тебе скажу один телефон. У меня сестра разводилась, там тоже был ад с ребёнком. Ей помогли через кофейню на Большом проспекте Петроградской, „Тёплая чашка“, хозяйка Марго, она знает адвоката, хорошего. Скажи, что от Наташи с Зелениной».

Кофейня оказалась маленькой, на шесть столиков, с запахом корицы и молотых зёрен и с меловой доской над стойкой. За стойкой стояла невысокая женщина со светлой стрижкой и в фартуке с пятном, которое, судя по виду, давно никто не пытался оттереть. Она посмотрела на Ксению, на её чёрное пальто, на руки, которые Ксения держала в карманах, и ничего не спросила.

— Я от Наташи с Зелениной, — сказала Ксения. — Мне нужен адвокат.

— Садитесь, — сказала Марго. — Что пить будете?

— Чай. Зелёный. Кофе не пью.

Марго кивнула и поставила перед ней чайник, маленький, стеклянный, на подставке со свечой. И чашку. И, не спрашивая, тарелку с куском морковного пирога.

— Я не…

— Ешьте, — сказала Марго. — Вы бледная.

Ксения рассказала. Коротко, как отчитывалась на педсовете: дата, факт, документ. Марго слушала, протирая питчер, и ни разу не перебила.

— Заключение кто подписал? — спросила она, когда Ксения закончила.

— Гольдин. Л. М. Центр «Гармония».

Марго перестала протирать питчер. Поставила его на стойку. Достала из кармана фартука телефон и набрала номер, не глядя в контакты, по памяти.

— Аркадий Львович. Это я. У меня тут девушка, у неё отец забрал ребёнка по заключению психиатра. Гольдин, «Гармония». — Она послушала. — Да. Сейчас.

Она протянула трубку Ксении.

— Ксения Валентиновна? — Голос был сухой, пожилой, с отчётливыми согласными. — Штерн. Марго сказала, Гольдин.

— Да.

Пауза была длинная. Ксения слышала, как на том конце шелестят бумаги.

— Приходите завтра в десять, — сказал Штерн. — Кронверкский, над аптекой. Всё, что есть, принесите. И ещё. Гольдин, говорите… Я знаю человека, который знает его лучше меня. Если он согласится, я вас познакомлю.

— Кто это?

— Отец, — сказал Штерн. — Тоже отец. Три года назад.

Он положил трубку. Ксения отдала телефон Марго. Чай в стеклянном чайнике стоял нетронутый, и свеча под ним погасла.

Глава 3. У дверей «Гармонии»

Штерн читал заключение с конца. Сначала подпись, печать, дату, номер лицензии. Потом поднимался вверх, абзац за абзацем, водя по строчкам сухим пальцем, как водят по карте. Очки на цепочке сползли на кончик носа. Ксения сидела напротив в узком кабинете над аптекой, среди стеллажей с папками, и смотрела, как он читает. Она сама так читала контрольные, когда хотела найти, где ученик начал врать.

— Восемнадцатое июня, — сказал Штерн, дойдя до шапки. — Вы говорили, олимпиада.

Ксения положила перед ним распечатки. Приказ комитета по образованию о составе жюри, с её фамилией шестой в списке. Скриншот со страницы олимпиады: фотография жюри за длинным столом, она вторая слева, в чёрной блузке, с ручкой. Подпись под фото: «18 июня, Аничков дворец». Сканы протоколов проверки, которые прислала вчера ночью председатель жюри, старая знакомая по университету, с припиской «Ксюша, держись».

— На каждом протоколе время, — сказала Ксения. — Я ставлю время, когда подписываю. Привычка. Вот, четырнадцать двадцать. А в заключении приём в четырнадцать ноль-ноль. На Выборгской стороне. От Аничкова дворца до Сампсониевского сорок минут на машине, если без пробок.

Штерн посмотрел на неё поверх очков.

— Вы всегда ставите время?

— Всегда. С первого года работы. Однажды родители оспорили оценку и сказали, что я проверяла работу после того, как они подали жалобу. С тех пор ставлю.

— Хорошая привычка. — Штерн отложил протоколы. — Теперь слушайте внимательно, Ксения Валентиновна. Это заключение специалиста. Не экспертиза. Его заказал частный центр, за деньги, по просьбе, видимо, вашего бывшего мужа или того, кто за ним стоит. Суд может его принять во внимание, а может нет. Решает он по совокупности. Наша задача — не дать этой бумаге стать главной. Мы потребуем судебную экспертизу, в государственном учреждении, по определению суда. И принесём ваш день восемнадцатого июня с точностью до минуты.

— А Майя?

— Майя пока у отца. — Он сказал это так же сухо, как всё остальное, и Ксения была ему благодарна за сухость. — Попросим суд определить её место жительства с вами на время спора. И порядок встреч, чтобы вы виделись. Это займёт недели. Я ничего не обещаю. Могу пообещать, что мы попробуем.

Ксения кивнула. В горле стояло что-то твёрдое, как непроглоченная таблетка.

— Ещё вопрос, — сказал Штерн. — У дочери есть имущество?

— Имущество?

— Квартира, доля, вклад, наследство. Что-нибудь, что принадлежит ей лично.

Ксения ответила не сразу. Она не думала о квартире полгода. Не могла думать.

— Мамина квартира. В Коломне, на Канонерской. Мама завещала её Майе. Не мне, Майе. Сказала: «Тебе, Ксюша, я верю, а вот Тимуру твоему — нет. Пусть у девочки будет своё». Это было ещё до развода, она его сразу не любила. Наследственное дело открыли весной, свидетельство нотариус выдал в начале сентября. Я законный представитель, пока…

Она остановилась.

— Пока она живёт с вами, — закончил Штерн.

Он снял очки. Положил на стол. Посмотрел в окно, где по Кронверкскому шёл трамвай.

— Сколько стоит квартира?

— Двушка в старом доме, пятьдесят восемь метров. Миллионов восемнадцать, наверное. Я не знаю. Я не думала.

Штерн молчал долго. Ксения ждала, что он скажет что-нибудь утешительное, и он не сказал.

— Вот теперь мне понятно, зачем такая спешка, — сказал он наконец. — Ничего пока не утверждаю. Но запомните, что я это сказал.

Он надел очки, взял ручку.

— И ещё. Не вздумайте забирать её сами, из школы или с улицы. Вы равны с отцом, да. Но заберёте — получите встречное заявление: мать похитила ребёнка, мать неуравновешенна. Они именно этого ждут. Пока Майя живёт с отцом, вы всё равно её законный представитель. Без вашей подписи никто квартиру ребёнка не продаст. — Штерн постучал пальцем по заключению. — Поэтому им мало, чтобы Майя жила с отцом. Им нужно, чтобы вас ограничили в правах. По болезни. Для этого и нужна эта бумага. Посмотрите иск, когда придёт. Я почти уверен, что там будет и это.

— Про человека, о котором я вам говорил. Отец. Его зовут Егор. Он не любит юристов и не любит разговаривать. Я ему вчера написал. Он ответил одним словом: «Посмотрю». — Штерн записал что-то в блокнот. — И, Ксения Валентиновна. В «Гармонию» сами не ходите. Мы направим официальный запрос о ваших медицинских документах. Это право пациента. Это займёт время, но это правильно.

Ксения сказала, что не пойдёт.

В половине второго она стояла на Большом Сампсониевском напротив серого шестиэтажного здания бывшей фабрики, переделанного под офисы.

Ей нужно было увидеть это место своими глазами.

На первом этаже здания была студия красоты: большая витрина, в витрине кресла и свет, над входом золотые буквы, которые она не стала читать. На втором, по табличке у подъезда, «Медицинский центр „Гармония“. Психологическая и психиатрическая помощь. Детская и взрослая консультация». Лифт, ковролин, белые двери с матовым стеклом.

В приёмной пахло лавандой и кофе. За стойкой сидела девушка с идеальным маникюром и бейджиком «Вероника, администратор». На стене висели дипломы в рамках и объявление в пластиковом кармане: «Уважаемые пациенты! С 1 августа в центре вводятся новые формы информированных согласий.». Тихо играла музыка, что-то с волнами и птицами.

— Добрый день. Вы записаны?

— Я была у вас записана. Восемнадцатого июня. Лаврова Ксения Валентиновна. Я хочу посмотреть свою медицинскую карту.

Вероника что-то набрала. Посмотрела в экран. Подняла на Ксению глаза, и в глазах ничего не изменилось, совсем ничего, как у хорошей официантки.

— Да, Ксения Валентиновна, вижу. Первичная консультация, восемнадцатое июня, четырнадцать ноль-ноль, доктор Гольдин. Оплачено наличными. Повторная не назначалась.

— Я у вас не была.

— Вот ваше информированное согласие. — Вероника развернула к ней монитор. На экране был скан бланка: «Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство». Её фамилия, паспортные данные, телефон. Внизу подпись.

Её подпись. Ксения смотрела на неё. Размашистая «Л» с длинным хвостом вниз, через «а» к «в», и в конце завиток, который она когда-то, в десятом классе, придумала, чтобы было красиво, и потом не смогла отвыкнуть.

— Это не я подписывала.

— Ксения Валентиновна, — сказала Вероника мягко, той же интонацией, что Злата позавчера. — Я понимаю. Иногда люди не помнят. Это бывает при…

— Дайте мне копию карты.

— Только по письменному запросу. В течение тридцати дней. Вот бланк.

Ксения взяла бланк. В коридоре открылась дверь, и вышел пожилой мужчина в белом халате поверх серого свитера, полный, лысоватый, с аккуратной седой бородкой и добрыми глазами в морщинках. На кармане халата было вышито: «Гольдин Л. М.».

Он посмотрел на неё секунду дольше, чем смотрят на пустое место.

— Добрый день, — сказал он, как говорят любому пациенту в коридоре, и прошёл мимо, в соседний кабинет. Дверь за ним закрылась.

Ксения стояла у стойки. Человек, который подписал, что она опасна для собственной дочери, только что поздоровался с ней, как с незнакомой. Как с незнакомой, которой она и была.

Она развернулась и вышла.

На улице моросило. Ксения стояла у подъезда, держа в руках бланк запроса, и не могла вспомнить, где оставила машину.

— Не ходите туда одна.

Голос был низкий, спокойный, мужской. Справа, от скамейки у остановки через дорогу. Ксения повернулась.

На скамейке сидел мужчина лет сорока пяти. Высокий, широкий в плечах, в тёмно-синей куртке без всяких надписей, в джинсах и тяжёлых ботинках. Коротко стриженный, с сединой, с крупным носом, который, судя по всему, ломали, и не один раз. У его ног на асфальте лежала собака, немецкая овчарка, уже старая: морда серая, уши мягкие. Собака подняла голову и посмотрела на Ксению. Мужчина не встал.

— Вы Лаврова, — сказал он. Не спросил.

— А вы кто?

— Штерн вам говорил.

Она перешла дорогу. Встала у скамейки. Собака вежливо обнюхала её ботинок и снова положила голову на лапы.

— Вы следили за мной?

— Я тут сижу по вторникам, — сказал он. — Третий год. В четырнадцать у них приём. В шестнадцать уходит Гольдин. Я смотрю, кто приходит.

— Зачем?

— Ищу второго, — сказал он. — Мне нужен второй случай. Один случай — это мнение врача. Два — это схема.

— Вы сейчас что им сказали? — спросил он вместо ответа. — Администратору.

— Что я у них не была. Что хочу карту.

— А про сон?

Ксения замолчала.

— Вы им сказали, что плохо спите? — спросил мужчина.

— Откуда вы знаете?

— У вас лицо человека, который не спит. Они это тоже видят. — Мужчина наконец посмотрел на неё. Глаза у него были тёмные, усталые, внимательные. — У них камера в приёмной. И диктофон у администратора. Всё, что вы сказали, будет в деле. «Пациентка явилась без записи, в возбуждённом состоянии, отрицала факт обращения». Это тоже симптом, поихнему. Отрицание.

Ксения смотрела на него. Ей хотелось сказать что-нибудь резкое. Что-нибудь вроде «вас не спрашивали». Она промолчала.

— Егор, — сказал он. Руки не протянул. — Ратников.

— Ксения.

— Знаю.

Он достал из-за пазухи, из внутреннего кармана куртки, сложенную вдвое прозрачную папку. Протянул ей.

— Это моё, — сказал он. — Три года назад. Почитайте. Потом решите, хотите ли вы со мной разговаривать.

Ксения открыла папку под мелким дождём, прикрывая её ладонью. Ксерокопия. Шапка «Медицинский центр „Гармония“». «Заключение специалиста по результатам психологического и психиатрического обследования». ФИО: Ратников Егор Андреевич. Дата обследования: четырнадцатое марта, три года назад. Подпись: врач-психиатр Гольдин Л. М.

Она начала читать результаты. Остановилась на третьем абзаце. Перечитала. Достала телефон, открыла фотографию своего заключения и положила рядом, экран к бумаге.

«…эмоциональная неустойчивость, выраженные колебания настроения, нарушения сна по типу ранних пробуждений… склонность к импульсивным решениям… риск для психологического благополучия несовершеннолетнего ребёнка…»

Слово в слово. Целый абзац. Только в его заключении было «вспышки гнева», а в её — «эпизоды плача». И «отец», а у неё «мать».

Ксения подняла глаза. Егор сидел на скамейке и смотрел на окна второго этажа. Собака у его ног спала.

Глава 4. Исковое

Копию иска принёс в среду курьер. Не в почтовый ящик, не по электронной почте, а в гимназию, на вахту, в большом белом конверте с логотипом курьерской службы. Римма Фёдоровна позвонила в учительскую: «Ксения Валентиновна, вам тут лично в руки, распишитесь». Расписаться пришлось при всех, у турникета, где в восемь утра толпились второклашки со сменкой.

Ксения унесла конверт в лаборантскую при кабинете химии. Маленькая комната без окна, с вытяжным шкафом, стеллажами реактивов в банках с притёртыми пробками и запахом, который она любила с института: немного спирта, немного уксуса, немного чего-то металлического. Здесь её никто не трогал. Здесь у неё на подоконнике единственного окошка под потолком стоял электрический чайник и банка зелёного чая.

Она села на высокий табурет и вскрыла конверт канцелярским ножом.

«В Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга. Истец: Лавров Тимур Рустамович. Представитель истца: адвокат Мельник Арсений Игоревич. Ответчик: Лаврова Ксения Валентиновна. Исковое заявление об определении места жительства несовершеннолетнего ребёнка и ограничении родительских прав».

Ограничении родительских прав.

Штерн сказал «почти уверен». Ксения тогда кивнула и не поверила до конца. Есть вещи, в которые не веришь, пока не прочитаешь сам.

Она читала дальше. Мельник писал гладко, без единой ошибки, длинными юридическими фразами, которые закручивались и разворачивались, как лента на сборочном конвейере. «…Ответчик страдает психическим расстройством, что подтверждается заключением специалиста медицинского центра „Гармония“ от 18 июня… в связи с чем оставление ребёнка с матерью опасно для него… руководствуясь статьёй 73 Семейного кодекса Российской Федерации, прошу ограничить Лаврову К. В. в родительских правах в отношении несовершеннолетней Лавровой Майи Тимуровны…»

Дальше шли приложения. Заключение «Гармонии». Психологическая характеристика ученицы второго класса, подпись Инны Сергеевны. Справка о доходах истца. Акт о том, что у истца двухкомнатная квартира в новом доме с отдельной детской. Свидетельские показания.

Свидетельские показания. Ксения перевернула страницу.

«Я, Злата Вадимовна Лаврова, супруга истца, неоднократно наблюдала у ответчицы признаки эмоциональной нестабильности: беспричинные слёзы при передаче ребёнка, повышенный голос, жалобы на бессонницу. Со слов ребёнка мне известно, что мать принимает снотворные препараты, просыпается среди ночи в четыре часа утра и плачет на кухне».

Ксения положила лист на стол.

Четыре утра. Она действительно просыпалась, только не в четыре, а в половине пятого. С марта, каждую ночь, как по будильнику, в тот час, когда ей позвонили из больницы. Вставала, шла на кухню, ставила чайник, сидела у окна. Иногда плакала. Тихо, в рукав, чтобы не разбудить Майю.

Значит, разбудила. Значит, Майя слышала. Значит, Майя рассказала. Кому?

Она не заметила, что держит в руке пустую банку из-под чая и сжимает её так, что жесть смялась. Поставила банку. Расправила пальцы.

На последней странице иска, внизу, мелко, стояла дата предварительного заседания. Двадцать девятое сентября, вторник, десять тридцать. А на первой странице, у штампа канцелярии, стояла дата поступления: девятое сентября. Среда. За четыре дня до воскресенья, когда Майю не вернули.

В три часа, после шестого урока, она поехала в Аничков дворец.

Председатель жюри, Алла Георгиевна Шумилова, ждала её в методическом кабинете на втором этаже, где за окнами шумел Невский. Они учились вместе в университете, на одном курсе, и двадцать лет встречались раз в год, на олимпиадах, за одним длинным столом с зелёным сукном. Алла Георгиевна была маленькая, круглая, в очках с толстыми стёклами, с голосом, который слышно в любом конце зала без микрофона.

— Ксюша. — Она обняла её у двери. — Я как прочитала твоё сообщение, сразу всё нашла. Садись.

На столе лежала папка. Алла Георгиевна раскрыла её, как раскрывают протокол вскрытия, и стала выкладывать листы.

— Приказ о составе жюри, заверенная копия, я в секретариате взяла. Протоколы проверки, вот твои, с твоей подписью и временем, ты же всегда время ставишь, зануда. Лист регистрации жюри, вот ты расписалась в восемь пятьдесят две, тут и время прихода. — Она порылась в папке, перевернула её и потрясла над столом. Ничего не выпало. — А апелляции нет.

— Какой апелляции?

— Ромы Кузнецова из сто седьмой школы. Задача про растворы, помнишь? Его мама потом написала в комитет, что жюри некомпетентно, и в июле комитет забрал у нас всё по этой апелляции. На проверку. Я сегодня звонила. Девочка в комитете говорит: пишите запрос, ответ в течение месяца. — Алла Георгиевна постучала ногтем по пустой папке. — А там самое главное, Ксюш. Рассматривала ты. С тринадцати сорока.

Ксения помнила. Мама Ромы была в красном пиджаке и говорила, что задача составлена некорректно, потому что концентрация дана в процентах, а не в молях. Закончили в четырнадцать десять, и мама ещё полчаса ругалась в коридоре.

Месяц. Через месяц будет конец октября, а предварительное заседание двадцать девятого сентября.

— Протокол апелляции пишут в двух экземплярах, — сказала Ксения. — Второй выдают заявителю под роспись. Ты сама это завела позапрошлым летом, после истории с физиками.

Алла Георгиевна открыла рот и закрыла.

— У мамы, — сказала она. — Второй у мамы.

— Если она его не порвала.

— Такие не рвут. Такие подшивают. — Алла Георгиевна уже листала телефон. — У меня только почта Ромы, с регистрации. Мама с неё не ответит. Она мне в июле написала, что я «покрываю дилетантов».

Ксения достала свой телефон. Сто седьмая школа была на Гражданке, завучем там работала Света Корнеева: три года рядом на курсах повышения квалификации, одна розетка на двоих. Было без двадцати четыре. Завучи в это время ещё на месте, это Ксения знала по себе.

Света ответила на третьем гудке. Ксения объяснила коротко: нужен второй экземпляр протокола апелляции, он у мамы Кузнецова. Номер мамы не прошу. Прошу передать ей мой.

— Кузнецова? Ты понимаешь, кого просишь? Она нам весь июнь в электронный дневник писала. Ладно. Ромка у меня в девятом «А», мама ему сейчас позвонит. Она ему каждые сорок минут звонит.

Через двадцать минут, когда Алла Георгиевна второй раз поставила чайник, телефон зазвонил с незнакомого номера.

— Это Лаврова? Из жюри? — Голос был тот же, июньский, громкий и обиженный. — Мне сын сказал, вам протокол нужен. Я, между прочим, тогда так и написала: вы там одна меня выслушали. Остальные в телефоны смотрели.

— Протокол у вас?

— А где ему быть. У меня все бумаги по Роме в отдельной папке, с первого класса. Вот он. Начало тринадцать сорок, окончание четырнадцать десять, ваша подпись, моя подпись, я ещё приписала «не согласна». Сфотографировать?

— Пожалуйста. С обеих сторон. И можно я вам позвоню, когда юристу понадобится, что вы видели меня в зале?

— Видела ли я вас? — Мама Ромы фыркнула. — Я вас полчаса видела. Я вам сказала, что вы некомпетентная, а вы мне воды налили. Такое не забывают.

Фотография пришла через минуту. Протокол, синяя ручка, её «Л» с хвостом. Время её рукой: 14:10.

Алла Георгиевна посмотрела на экран через Ксенино плечо.

— Распечатаю, — сказала она. — В папку. Ты с ней поосторожней. Она тебя теперь полюбила, это хуже.

— А это, — Алла Георгиевна положила сверху стопку распечатанных фотографий, — от нашего фотографа, Миши. Он снимал весь день, для сайта. Я попросила его выгрузить всё с метаданными. Время съёмки в каждом файле. Вот ты в тринадцать пятьдесят пять за столом с мамой Ромы. Вот в четырнадцать ноль восемь. Вот в четырнадцать двадцать шесть, подписываешь протокол. Вот в пятнадцать ноль три, обедаешь бутербродом, позорница.

Ксения смотрела на фотографии. Она сама, в чёрной блузке, за зелёным сукном, с ручкой, с бутербродом, с усталым лицом. Восемнадцатое июня. Она уже тогда не спала, это было видно по глазам. Но она была здесь. Здесь, а не на Выборгской стороне.

— Я напишу заявление, — сказала Алла Георгиевна. — Свидетельское, нотариально, или как там у юристов надо. И Мишу попрошу, и маму Ромы, раз уж она теперь за тебя. И ещё шестерых из жюри. — Она сняла очки и протёрла их краем кофты. — Ксюш. А кто это всё сделал? Тимур твой? Он же… ну. Он же тихий был.

— Не знаю, Алла.

— Тихие, они… — начала Алла Георгиевна и не договорила, махнула рукой.

В восемь вечера, по расписанию, которое Мельник прислал Штерну и Штерн переслал ей, Тимур разрешил звонок. Десять минут, по видео, с его телефона.

Майя появилась на экране в пижаме с котами, той самой, которую переложили в розовый рюкзак. Сидела на кровати в чужой комнате: светлые стены, белый шкаф, гирлянда из лампочек над изголовьем. Майины волосы были заплетены в две ровные косы, туже и ровнее, чем Ксения когда-нибудь умела.

— Привет, мам.

— Привет, зайка. Как ты?

— Нормально. — Майя смотрела куда-то в сторону, за телефон. — Злата мне косички заплела. Красиво?

— Красиво.

— Мам. — Майя придвинулась к экрану, совсем близко, так что видно было только нос и один глаз. Шёпотом: — Мам, а ты правда не помнишь, что болеешь?

Ксения держала телефон обеими руками. За спиной Майи, на краю кадра, мелькнул молочный кашемир. Кто-то стоял в дверях.

— Майюш, — сказала Ксения медленно, ровно, учительским голосом, тем самым, каким объясняла девятиклассникам, почему нельзя лить воду в кислоту. — Я не болею. Я очень по тебе скучаю. Я грущу из-за бабушки. Когда грустишь, плохо спишь. Это не болезнь. Это грусть. Ты тоже грустишь по бабушке?

Майя кивнула. Глаз на экране заблестел.

— Злата говорит, это у тебя от головы. — Майя всё ещё шептала. — Что голова у тебя устала и надо полечить. Что так бывает.

— Злата ошибается, зайка.

— Майя, — сказал голос из дверей, мягкий, ровный. — Скажи маме спокойной ночи. Время.

— Спокойной ночи, мам.

— Спокойной ночи. Я тебя люблю. Слышишь? Я…

Экран погас. Девять минут сорок секунд.

Ксения открыла заметки в телефоне, ту же страницу, что в воскресенье на лестнице у мусоропровода, и записала: «16.09, 20:00–20:09. М.: "а ты правда не помнишь, что болеешь?", "Злата говорит, это у тебя от головы". З. в дверях, слушала». Перечитала и стёрла последнее слово. Слушала ли Злата, она не видела. Видела рукав. Написала: «В дверях рукав молочного цвета, с середины разговора». Так она учила дежурных учителей писать объяснительные: что видели, а не что поняли.

Ксения сидела на кухне, на своей кухне, на Тринадцатой линии. На подоконнике остывал чай. Майина тетрадь по русскому лежала на столе в детской, открытая на букве «Ж», с ручкой и ластиком рядом. Она не убирала её третий день.

Телефон звякнул. Незнакомый номер.

«Прочитали?»

Она поняла, кто это, не спрашивая.

«Да».

Ответ пришёл через минуту.

«Завтра в 19. Смоленка, у Малого Смоленского моста. Я с собакой».

Ксения смотрела на сообщение. Хотела ответить что-нибудь колкое: «А если я не приду?» Или: «Откуда у вас мой номер?» Номер, конечно, дал Штерн.

Написала: «Хорошо».

Через десять минут, когда она уже мыла чашку, позвонили снова. Номер был городской, с кодом района.

— Ксения Валентиновна? Добрый вечер. Это Лидия Олеговна, орган опеки и попечительства Василеостровского района. По поручению суда нам нужно провести обследование ваших жилищных условий. Завтра в семнадцать ноль-ноль вам удобно?

— Удобно, — сказала Ксения.

— Будьте, пожалуйста, дома. Обследуем все комнаты. Детскую обязательно.

— Детская на месте, — сказала Ксения и сама не узнала свой голос. — Её никто не трогал.

Глава 5. Акт обследования

Лидия Олеговна пришла в шестнадцать пятьдесят восемь. Ксения видела из окна, как она стоит у парадной и смотрит на часы, ждёт ровно пяти. Невысокая женщина лет пятидесяти пяти, в сером пальто и вязаном берете, с папкой на молнии под мышкой. В семнадцать ноль-ноль она нажала на домофон.

В прихожей она сняла берет, достала из папки бахилы и надела их, не спрашивая. Достала планшет с зажимом и бланк.

— Ксения Валентиновна, я просто посмотрю, как живёт ребёнок, — сказала она. — Это стандартная процедура. Мы были и у отца.

— Я понимаю.

— Вы, пожалуйста, не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь, — сказала Ксения, и Лидия Олеговна, не поднимая головы от бланка, что-то записала.

Квартира на Тринадцатой линии была небольшая, трёхкомнатная, в старом доме с высокими потолками. Ксения купила её в ипотеку восемь лет назад, ещё с Тимуром, а после развода выплатила его долю, поменяв машину на подержанную и взяв подработку репетитором. Она убиралась всю ночь. Перемыла окна, протёрла книжные полки, разобрала шкаф в прихожей, вынесла три пакета мусора. В половине пятого, когда проснулась, как всегда, не стала сидеть на кухне. Стала мыть пол.

Лидия Олеговна прошла на кухню. Открыла холодильник, посмотрела: суп в кастрюле, творог, яблоки, Майин любимый питьевой йогурт с клубникой, шесть бутылочек в ряд, Ксения купила их в понедельник по привычке. Записала. Заглянула в шкафчики: крупы, макароны, детские хлопья с шоколадом. Записала.

— Ребёнок питается дома?

— Завтрак и ужин. Обед в школе.

— Хорошо.

Потом детская. Лидия Олеговна вошла и остановилась на пороге. Ксения стояла за её спиной и видела комнату её глазами: светло-зелёные обои с маленькими совами, которые Майя выбрала сама в пять лет. Кровать, застеленная покрывалом с единорогом. Письменный стол у окна, на столе тетрадь по русскому, открытая на букве «Ж», ручка, ластик. Полка с книгами: «Пеппи Длинныйчулок», «Денискины рассказы», энциклопедия про космос. На стене рисунки, приколотые кнопками: дом, кот, бабушка с цветами, море, мама.

Мама на рисунке была в чёрном. В чёрном платье, с чёрными волосами, и рядом с ней маленькая Майя в розовом, держала её за руку.

Лидия Олеговна долго смотрела на этот рисунок.

— Это недавний? — спросила она.

— Апрель. После маминых похорон. Я ношу чёрное с марта.

Лидия Олеговна кивнула и ничего не записала. Потом подошла к столу, посмотрела на тетрадь.

— «Ж» не получается? — спросила она неожиданно другим голосом.

— Заваливается вправо.

— У моего внука тоже заваливалась. — Лидия Олеговна убрала руку от тетради. — Перерастёт.

Ванная. Лидия Олеговна открыла шкафчик над раковиной. Зубная паста, детская, с клубникой. Шампунь. Пластыри. Градусник. Упаковка таблеток, белая, с рецептурной маркировкой.

Лидия Олеговна взяла упаковку. Прочитала. Повернулась к Ксении.

— Это ваше?

— Моё. Снотворное. Мне назначил терапевт в поликлинике в апреле, после смерти мамы. Я пью половину таблетки, когда совсем не сплю. Не каждый день. Вот рецепт.

Рецепт она приготовила заранее, вместе с выпиской из поликлиники, лежал на полке в прихожей в прозрачном файле. Ксения принесла. Лидия Олеговна прочитала рецепт, выписку, посмотрела на печать.

— Хранится в доступном для ребёнка месте? — спросила она.

Ксения посмотрела на шкафчик. Он висел на высоте её плеча. Майе, чтобы достать, надо было встать на край ванны.

— Я переложу, — сказала она.

— Переложите. — Лидия Олеговна записала. Ксения видела, как ручка выводит: «в аптечке снотворные препараты по назначению врача; хранение — доступно». Хотелось закричать. Ксения закрыла шкафчик.

Обследование заняло сорок минут. В прихожей, снимая бахилы, Лидия Олеговна сказала, не глядя на неё:

— Детская хорошая. Видно, что ребёнка ждут.

— Спасибо.

Лидия Олеговна застегнула папку. Надела берет. У двери остановилась.

— Ксения Валентиновна, ещё вопрос. Для полноты. Квартира на Канонерской улице, это ваша мать оставила девочке по завещанию?

— Да. Откуда вы знаете?

Лидия Олеговна взвешивала, можно ли говорить.

— Отец девочки приходил к нам на консультацию. Две недели назад. Спрашивал, как получить разрешение на продажу жилья несовершеннолетнего. С целью улучшения жилищных условий ребёнка. — Она посмотрела на Ксению. — Я ему разъяснила, что нужно согласие обоих законных представителей. Вас тоже.

— Две недели назад, — повторила Ксения.

— Это я вам ничего не говорила, — сказала Лидия Олеговна. — До свидания.

Две недели назад было начало сентября. До того, как Майю не вернули. До того, как пришёл иск. Тимур спрашивал про квартиру, когда Майя ещё жила дома и ходила к нему по выходным, а Ксения ещё ничего не знала.

В семь вечера она стояла у Малого Смоленского моста.

Смоленка в этом месте была узкая, тёмная, в гранитных берегах, с жёлтыми листьями на воде. На том берегу тянулась ограда Смоленского кладбища, за оградой стояли деревья, старые, огромные, уже наполовину жёлтые. Там лежала мама. Ксения не была у неё с июня.

Егор пришёл без двух семь, с той стороны, от Камской улицы. В той же тёмно-синей куртке, с овчаркой на коротком поводке. Собака шла рядом, ровно, не натягивая, у самой ноги, и время от времени поднимала на него морду.

— Герда, — сказал он вместо приветствия. — Одиннадцать лет. Служила со мной восемь. Теперь на пенсии. Как и я.

Герда понюхала Ксенину руку, лизнула пальцы и села.

— Она обычно не лижет, — сказал Егор.

— Это хорошо или плохо?

— Пока не знаю.

Они пошли вдоль набережной, медленно, по Гердиному шагу: у собаки болели задние лапы, она чуть приволакивала левую. Егор шёл со стороны воды. Ксения заметила, что он всё время держит в поле зрения дорогу и редких прохожих, не поворачивая головы, только глазами.

Она рассказала про опеку. Про таблетки в шкафчике. Про Канонерскую. Про то, что Тимур был в опеке две недели назад.

Егор слушал не перебивая.

— Две недели назад, — повторил он. — Значит, знали, что заберут.

— Значит.

Он помолчал шагов двадцать.

— У меня был март, — сказал он потом. — Три года назад. Мы с Юлей разводились. Я только ушёл в запас, сидел дома, учился жить без расписания. Плохо получалось. Она подала на место жительства Лёвы. Я подал встречный. У меня шансы были нормальные, я же отец, я не пью, у меня квартира, пенсия. А потом её адвокат приложил заключение. «Гармония». «Вспышки гнева», «риск для ребёнка». Обследование четырнадцатого марта.

— А вы…

— Четырнадцатого марта я лежал в госпитале с коленом. Ведомственном. Неделю. Только госпиталь не торопится выдавать справки по запросу гражданских адвокатов. Пока справка пришла, суд уже вынес решение. Лёва с матерью. Мне — раз в месяц, два часа, в присутствии психолога. — Он посмотрел на воду. — Потом они переехали в Москву. Теперь раз в месяц в Москве. Я езжу на «Сапсане».

— Вы обжаловали?

— Апелляция оставила как есть. Заключение специалиста против справки из госпиталя, которая пришла поздно. — Егор пожал плечом. — У них был адвокат. Хороший. Мельник.

Ксения остановилась.

— Мельник? Арсений Игоревич?

— Он самый. — Егор тоже остановился. Герда села у его ноги. — У вас тоже он?

— У Тимура.

Егор кивнул, будто не удивился. Будто ждал этого.

— Покажите мне ваши бумаги, — сказал он. — Все, что есть. Заключение, иск, характеристику. Я сравню со своими. У меня всё дома, в папке, три года собираю. Если шаблон один, это уже не совпадение.

Ксения колебалась секунду. Потом достала из сумки прозрачный файл: копию иска, заключения, характеристики, которые сняла сегодня в учительской на ксероксе. Сделала два экземпляра, один для Штерна. Отдала второй.

Он взял, не глядя, убрал за пазуху, во внутренний карман.

— Спасибо, — сказал он.

Они дошли до конца набережной, до того места, где Смоленка уходит под мост к заливу. Здесь было темно, фонари не горели. Герда легла на холодный асфальт, тяжело выдохнув.

— Устала, — сказал Егор. — Пойдём обратно.

На обратном пути он молчал. Ксения тоже молчала. Ей стало легче, и она не понимала почему. Может, потому, что рядом шёл человек, который знал, как это. Который три года сидел по вторникам на скамейке напротив «Гармонии».

У моста он остановился.

— Ваш и мой, — сказал он, — один шаблон. Один врач. Один адвокат. Значит, был и третий. И будет четвёртый.

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. — Он посмотрел на неё. — Мне так кажется. Хорошие схемы не делают для одного раза.

Он кивнул ей, повернулся и пошёл к Камской, с собакой у ноги. Ксения смотрела ему вслед, пока он не скрылся за поворотом. Ни разу не обернулся.

Глава 6. Не её слова

В пятницу утром Ксения купила в хозяйственном на Среднем металлический ящичек с ключом. Маленький, серый, для документов. Переложила в него таблетки, рецепт, выписку из поликлиники. Ключ повесила на шнурок от старого бейджа и спрятала в ящик комода, под бельё. Ящичек поставила на верхнюю полку шкафа в прихожей, куда Майя не дотянулась бы даже со стула.

Потом сфотографировала его. С датой. Для Лидии Олеговны, для суда, для кого угодно. «Хранение — недоступно».

В восемь пятнадцать позвонил Штерн.

— Я подал возражения на иск, — сказал он без предисловий. — И два ходатайства. Первое: назначить судебную психолого-психиатрическую экспертизу в государственном учреждении, обоим родителям. Обоим, Ксения Валентиновна, это важно, пусть ваш бывший тоже посидит в кресле. Второе: определить порядок ваших встреч с дочерью на время спора. Регулярный, с ночёвками. Пока суд не рассмотрит, договаривайтесь с той стороной.

— Они дают десять минут по телефону.

— Знаю. Мельник прислал мне «график общения». — Штерн сухо кашлянул. — Встреча сегодня в пять, в кафе, в присутствии отца или его супруги. Я согласился от вашего имени. Простите, что не спросил: не хотел, чтобы вы отказались из гордости.

— Я бы не отказалась.

— Тогда тем более. Идите. Ничего не подписывайте. Не повышайте голос. И, Ксения Валентиновна, слушайте дочь. Внимательно. Дети говорят много, если их не перебивать.

На большой перемене Ксения стояла у окна учительской на втором этаже. Окно выходило во внутренний двор, где второклашки носились по асфальту, огороженному сеткой. Майю она нашла сразу: розовая куртка, две косы, туго заплетённые. Майя стояла у сетки одна. Не бегала. Смотрела на окна. Ксения подняла руку. Майя увидела, быстро оглянулась на дежурную учительницу, и помахала. Маленькой ладошкой, у пояса, чтобы никто не заметил.

Потом подошла Оля из её класса и утащила её играть в «море волнуется».

После третьего урока в учительскую постучала Елена Андреевна, Майина учительница, молодая, третий год в школе, с огромными серьгами и испуганными глазами. Протянула Ксении сложенный вчетверо листок.

— Майя на ИЗО нарисовала. Сказала: «Передайте маме, только чтобы Злата не видела». Я… не знаю, правильно ли я делаю. Но передаю.

На листке, фломастерами, были нарисованы часы. Большие, круглые, с маятником, на ножках, коричневые. Стрелки показывали без пяти двенадцать. Рядом стояли две фигурки: большая в чёрном и маленькая в розовом. Внизу кривыми печатными буквами: «МАМА ЗАВИДИ».

Бабушкины часы на Канонерской. Они остановились в марте, в тот день. Майя спрашивала потом, почему Ксения их не заводит. Ксения отвечала: «Потом».

«Заведи».

Ксения сложила листок, убрала в нагрудный карман, застегнула карман на пуговицу и пошла на четвёртый урок.

Кафе было в торговом центре на Комендантском, на втором этаже, рядом с детской игровой: розовые стены, пончики в витрине, музыка из мультфильмов. Злата выбрала его, конечно. Ксения пришла в без пяти пять. Злата с Майей уже сидели за столиком у окна. Злата в светлом пальто, накинутом на плечи, с телефоном. Майя в розовой куртке, с огромным молочным коктейлем, в котором плавала вишня.

Майя увидела её и вскочила. Злата положила ей руку на плечо. Мягко. Майя села обратно, и только потом, когда Ксения подошла, слезла со стула и обняла её. Осторожно. Посматривая на Злату.

— Здравствуйте, Ксения, — сказала Злата. — Садитесь. Час. Тимур подъедет.

Ксения села напротив Майи. Злата не уходила. Сидела рядом, листала телефон, и ногти у неё были длинные, миндалевидные, цвета молочного шоколада.

— Ну, рассказывай, — сказала Ксения Майе. — Как в школе? Как «Ж»?

— Нормально. «Ж» получается. Злата показала, как надо, сначала палочку, потом жучка.

— Молодец.

— Мам. — Майя отпила коктейль, посмотрела в стакан. — Мам, тебе надо полечиться. Я тебя всё равно люблю. Даже если ты болеешь.

Ксения слушала. Как велел Штерн. Как слушала шестнадцать лет детей у доски, когда они пересказывали параграф.

«Полечиться». Майя не говорила «полечиться». Майя говорила «лечить» только про зубы, и всегда со страхом: «мне будут лечить зуб?» Про людей Майя говорила: «у тебя болит?», «тебе плохо?», «дать тебе водички?». «Полечиться» было взрослое слово, из чужого рта, выученное и повторённое, как повторяют стишок к утреннику, с правильной интонацией и пустыми глазами.

«Я тебя всё равно люблю. Даже если ты болеешь». Восьмилетки так не формулируют. Восьмилетки говорят: «я тебя люблю» и обнимают. Без «всё равно» и без «даже если».

— Кто тебе сказал, что мне надо полечиться? — спросила Ксения спокойно.

Майя посмотрела на Злату. Злата смотрела в телефон.

— Никто. Я сама так думаю.

— Хорошо. — Ксения кивнула. — А почему ты думаешь, что я болею?

— Потому что ты не спишь. — Майя повозила трубочкой в коктейле. — Ты в четыре встаёшь и плачешь на кухне. Я слышала. Много раз. Я Злате рассказала. Злата спрашивала, как ты спишь, я и рассказала. Она сказала, это потому что у тебя голова устала.

— Злата спрашивала, как я сплю, — повторила Ксения.

— Ну да. Когда я у папы была. Летом. Она всегда спрашивала, как ты. Она добрая.

Злата подняла глаза от телефона. Посмотрела на Майю, потом на Ксению. Улыбнулась ровно и вежливо.

— Я волновалась за вас, Ксения, — сказала она. — Майя часто говорила, что вам грустно. Я думала, может, вам нужна помощь.

— Мне нужна моя дочь.

— Конечно, — сказала Злата. — Конечно. Всем нам нужно, чтобы Майе было хорошо.

— Мам, пошли на горку. — Майя уже сползала со стула. — Туда можно со взрослым. Злата, можно?

Злата посмотрела на игровую за стеклянной стеной, в десяти шагах от столика, потом на Ксению.

— Конечно, — сказала она. — Я отсюда вижу.

В игровой пахло резиной и чужими носками. Ксения разулась у входа, как велела табличка, и села на низкую скамейку у сухого бассейна с шариками. Колени оказались почти у подбородка. Майя забралась на горку, съехала, забралась снова. На третьем круге плюхнулась в шарики у самой скамейки и осталась лежать, раскинув руки.

— У меня там своя комната, — сказала она в потолок. — С гирляндой. Злата купила. И лак мне купила, детский, он водой смывается. И единорога большого, вот такого. Ей можно всё покупать, у неё своя работа.

— Здорово, — сказала Ксения.

— А папа всё время в телефоне. Я ему говорю, а он: «Щас, Майюш». И не щас. — Майя подкинула шарик и поймала. — Я ему вчера три раза про поделку сказала, он не слышал. Злата услышала. Мы с ней из шишек ежа сделали. С глазами из перца.

— Из чёрного горошка?

— Ага. Он чихательный, если близко нюхать. Я проверила.

Ксения потёрла большим пальцем указательный, то место, где на третьем курсе осталось пятно от нитрата серебра. Пятна не было лет пятнадцать, а палец помнил.

«А тебе там хорошо?» Она не спросила, и «ты хочешь домой?» тоже. Восьмилетку нельзя ставить перед таким вопросом, как ставят к доске, когда весь класс смотрит, а ответа она не знает. Штерн сказал: слушайте. Она слушала.

— Мам. — Майя перевернулась на живот, шарики разъехались под ней. — А папа на Злату кричал. Ночью. Я проснулась.

— Из-за чего?

— Не знаю. Я не всё слышала. Злата потом в ванной долго сидела и воду включила. Чтобы не слышно. — Майя покосилась на стекло, за которым Злата листала телефон. — Ты ей только не говори, что я сказала. Она расстроится.

— Не скажу.

Ксения смотрела через стекло. Светлое пальто на плечах, прямая спина, палец ведёт по экрану. Женщина, которая не отдала ей дочь, ночью сидела в ванной с открытым краном. Эту мысль некуда было положить. Ксения отставила её, как отставляют пробирку с непонятным осадком: потом разберёмся.

— Мам, смотри, как я умею. — Майя уже карабкалась на горку задом наперёд, против движения, как запрещала табличка. — Только не говори, что нельзя.

— Нельзя, — сказала Ксения.

Майя засмеялась, в первый раз за час, и съехала вниз головой. Злата за стеклом подняла глаза от телефона и постучала ногтем по циферблату часов.

Они вернулись к столику. Майя подтянула к себе коктейль; вишня успела утонуть.

— Против движения нельзя, — сказала Злата Майе, не Ксении. Мягко. — Там табличка. Ударишь кого-нибудь.

— Мама сказала «нельзя», — ответила Майя.

— Вот и молодец мама.

Злата улыбнулась Ксении поверх Майиной головы, как улыбаются коллеге на родительском собрании, с которой вдвоём держат трудный класс. Ксения не улыбнулась в ответ. Злата подождала, потом опустила глаза к телефону.

Тимур пришёл в половине шестого. Взъерошенный, в рабочей куртке, с ключами от машины в руке. Чмокнул Майю в макушку, кивнул Ксении, не глядя ей в глаза, сел с краю.

— Привет. Пробки.

— Тимур, — сказала Ксения. — Ты был в опеке две недели назад. Спрашивал про мамину квартиру. Про продажу.

Тимур замер. Посмотрел на Злату. Потом на Ксению.

— Ну… был. И что? Злата сказала, надо узнать, что там будет с бабушкиной квартирой. Для Майи. На будущее. Чтобы не пропала. Там же ремонт нужен, и налоги, и вообще…

— Злата сказала, — повторила Ксения.

— Тимур, — мягко сказала Злата. — Не надо сейчас. При ребёнке.

Тимур замолчал. Достал телефон, стал в нём что-то листать, неизвестно что.

Майя смотрела на них по очереди, держа обеими руками коктейль, и вишня на дне качалась.

Час прошёл. Злата встала первой, сказала «Майюш, одевайся», и Майя слезла со стула, и обняла Ксению крепко, по-настоящему, и шепнула ей в ухо, быстро, горячо: «Ты нарисунок видела?» Ксения кивнула. Майя отпустила её и пошла к Тимуру.

Ксения задержалась у столика, надевая пальто. Злата подошла к ней, близко, так что Ксения почувствовала её духи, горьковатые, дорогие.

— Ксения, — сказала Злата тихо, почти по-дружески. — Можно я скажу, как женщина? Вы себя губите. Суд — это месяцы. Экспертизы, опека, нервы. Майя в середине всего этого. Подпишите мировое. Майя живёт с нами, у неё своя комната, школа рядом, мы найдём хорошую, частную. Вы видите её каждые выходные, хоть с пятницы. Спокойно, без судов. Мы не звери.

— А квартира в Коломне?

Злата пожала плечом. Красиво, легко, будто вопрос был про погоду.

— И бабушкину квартиру решим по-человечески, — сказала она. — Для Майи. Чтобы ей было лучше. Тимур вам всё объяснит.

Она улыбнулась.

— Подумайте, — сказала Злата. — Только недолго.

И пошла к выходу, где у эскалатора ждали Тимур и Майя. Майя оглянулась. Ксения подняла руку к нагрудному карману, где лежал сложенный рисунок, и прижала его ладонью.

Глава 7. Остановившиеся часы

На Канонерской улице, в Коломне, время шло медленнее. Ксения заметила это ещё в детстве, когда приезжала к бабушке на летние каникулы: здесь не было метро, не было больших магазинов, только узкие улицы между каналами, старые дома в четыре этажа, тополя, булочная на углу, где пахло ванилью, и тишина такая, что слышно, как на Крюковом канале стукаются о гранит лодки.

Мама переехала сюда двадцать лет назад, после смерти бабушки, в её квартиру на третьем этаже. Пятьдесят восемь метров, две комнаты, кухня с окном во двор, потолки три тридцать, паркет ёлочкой, который мама натирала мастикой до самой смерти, хотя мастику уже давно никто не делал и она покупала её у какого-то старика в Апраксином дворе.

Ксения не была здесь с апреля. С поминок на сороковой день.

Ключ повернулся туго: замок не смазывали полгода. В прихожей пахло пылью, старой бумагой и маминими духами, «Красная Москва», которые мама носила всю жизнь и над которыми Ксения в юности смеялась. Запах уже почти выветрился. Почти.

Она прошла в большую комнату не разуваясь. Мама бы ругалась.

Всё было как в марте. Ксения не позволила ничего трогать, ни Фёдору, ни соседке тёте Шуре, которая приходила поливать цветы до лета, а потом перестала: цветы всё равно засохли. Сервант с хрусталём. Диван с вышитой подушкой. Торшер с бахромой. Мамины очки на газете, на кроссворде, сложенной вчетверо, с карандашом поперёк. Ксения подошла и посмотрела. Кроссворд был разгадан наполовину. Пятнадцать по горизонтали, «химический элемент, названный в честь России», пять букв. Мама вписала «РУТЕН» и зачеркнула. Потом сверху мелко: «спросить Ксюшу». Не успела.

Рутений, мама. Семь букв. В слове пять, значит, кроссворд неправильный.

Ксения положила газету обратно.

В углу, у окна, стояли часы. Напольные, высокие, в тёмном дубовом корпусе, с латунным маятником за стеклом и циферблатом с римскими цифрами. Их привёз из Германии прадед, после войны, и они шли семьдесят лет без остановки, если не считать перестройки, когда бабушка уехала на месяц в Ессентуки и забыла попросить соседей подтягивать гири. Часы остановились в марте. В половине пятого утра, когда Ксении позвонили из больницы. Тётя Шура потом сказала, что сама слышала, как они замолчали, и перекрестилась.

Без пяти двенадцать, нарисовала Майя. Майя не знала, сколько на самом деле показывают стрелки. Она нарисовала, как ей помнилось. Как хотелось, чтобы было.

Ксения открыла стеклянную дверцу. Гири висели внизу, у самого дна корпуса: завод кончился. Ключ лежал на полочке внутри, латунный, тяжёлый, с ушками. Она взяла его в руку. Подержала. Положила обратно и закрыла дверцу.

Потом.

Фёдор пришёл в двенадцатом часу, на сорок минут позже, чем договаривались. Ксения слышала, как он тяжело поднимается по лестнице, отдыхая на площадках. Он открыл своим ключом: у него тоже был, мама дала обоим. Брату было сорок пять, он был на шесть лет старше, высокий, раньше спортивный, теперь грузный, с животом над ремнём и красными прожилками на щеках. Он работал то водителем, то кладовщиком, то никем, в зависимости от года. Сейчас, кажется, был никем.

— Ксюх. — Он обнял её в прихожей, неловко, одной рукой. От него пахло пивом и сигаретами. — Ну ты как?

— Плохо, Федя.

— Да уж. — Он прошёл в комнату, огляделся, сел на мамин диван, прямо на вышитую подушку. — Ну, рассказывай. Чего там Тимур?

Она рассказала. Про заключение, про суд, про ограничение в правах, про опеку. Про то, что Тимур спрашивал о квартире. Фёдор слушал, потирая колени, и смотрел не на неё, а на сервант.

— Квартира, значит, — сказал он, когда она закончила. — Ну. Я так и думал. Всё из-за квартиры. Как всегда.

— Что ты думал?

— Да ничего. — Он махнул рукой. — Просто. Квартира стоит восемнадцать лямов, а мама её внучке отписала. Не тебе, не мне. Внучке. Восьмилетке. — Он усмехнулся криво. — Я понимаю, конечно. Мама меня не жаловала. Ты у неё была умная, химик, завуч. А я так, Федька.

— Федя, при чём тут это сейчас?

— А при том. — Он поднял на неё глаза, красные, усталые. — При том, что я по уши, Ксюх. Кредиты, микрозаймы, коллекторы звонят по десять раз в день. Мне машину надо было продать, чтобы с первым банком рассчитаться. Я у мамы просил в феврале, она не дала. А потом взяла и всю квартиру Майе. Мне хоть бы комнату. Хоть бы долю.

— Это мамина квартира. Мама решила.

— Мама болела, — сказал Фёдор. — Последний год. Ты сама видела. Она путалась. Таблетки по два раза пила. Мне один юрист сказал, завещание можно оспорить. Если доказать, что человек не понимал.

Ксения смотрела на брата. Он сидел на мамином диване, на вышитой подушке, которую мама вышивала три зимы подряд, и говорил «не понимал».

— Какой юрист?

— Да так. Знакомый знакомого. Неважно. — Фёдор встал. — Я не буду оспаривать, ты не думай. Я не гад какой-нибудь. Просто… может, продать её? Раз уж всё равно все хотят? Деньги Майе на счёт, а мне займёшь. Немного. Я отдам. Честно.

— Федя. Её хотят продать люди, которые украли у меня дочь.

— Ну, может, они и правы, — сказал Фёдор. — Может, продать и правда лучше. Кто тут будет жить? Ты? У тебя своя есть. Майя вырастет, ей тридцать лет до этой квартиры. А деньги сейчас нужны.

Ксения молчала. Брат смотрел на неё, ждал. Потом махнул рукой.

— Ну и ладно, — сказал он. — Как хочешь. Ты всегда как хочешь.

Он ушёл, хлопнув дверью. Ксения слышала, как он спускается, грузно, через ступеньку, и как внизу хлопает дверь парадной. С подоконника она видела, как он стоит у дома, закуривает, достаёт телефон, говорит с кем-то, отвернувшись, прикрывая рукой трубку от ветра. Долго. Потом пошёл к Садовой, не оглядываясь.

Она посидела в маминой кухне. Открыла холодильник: пустой, отключённый, с распахнутой дверцей, чтобы не пахло. Открыла шкафчик: мамины чашки, чайник со свистком, банка с гречкой, банка с сахаром, на банке маминым почерком: «САХАР». Как будто можно перепутать.

Включила воду. Вода пошла ржавая, потом чистая. Налила в мамин чайник. Поставила на плиту. Зажгла газ спичкой, мама до последнего не признавала электроподжиг. Сидела и ждала, когда засвистит. Засвистел. Она сняла и не стала пить. Просто сидела, обхватив ладонями тёплый чайник.

Уходя, она по привычке открыла почтовый ящик на первом этаже. Мама всегда просила: «Ксюша, проверь ящик, а то квитанции». Ящик был забит: квитанции за свет, за газ, за капремонт, рекламные листовки, «Окна недорого», «Вскрытие замков», «Куплю квартиру в вашем доме, срочно, дорого». И между листовками, белая, плотная, с синим логотипом, визитка.

«Эксперт-Оценка». Оценка недвижимости для нотариата, банков, органов опеки и попечительства. Телефон. Адрес на Васильевском.

На обороте, синей ручкой, круглым аккуратным почерком: «10.09. Были по вашему заказу для осмотра объекта, никого не застали. Перезвоните для согласования. Менеджер Ольга».

Десятое сентября. Четверг. За три дня до того, как Майю не вернули.

Ксения стояла в тёмной парадной, у ящиков, и смотрела на визитку. Потом набрала номер.

— «Эксперт-Оценка», добрый день, меня зовут Ольга.

— Добрый день. Ваш сотрудник десятого сентября приезжал на Канонерскую улицу, оставил визитку. Я хочу узнать, кто заказывал оценку.

— А вы кто, простите?

— Я… — Ксения подумала. — Я мать собственника.

— Секундочку. — Застучали клавиши. — Да, есть заказ. Оценка рыночной стоимости для органов опеки. Заказ от девятого сентября. Заказчик — законный представитель несовершеннолетнего собственника. Больше по телефону сказать не могу.

— Я тоже её законный представитель. И я ничего не заказывала.

Пауза. Ксения слышала, как Ольга перестала стучать по клавишам.

— Тогда, видимо, заказывал второй, — сказала Ольга осторожно. — Приезжайте к нам с документами, мы покажем договор.

— Он сам оплатил?

— Вы хотите согласовать время осмотра?

— Нет, — сказала Ксения. — Не хочу.

Она нажала отбой. Постояла. Наверху, на третьем этаже, за дверью маминой квартиры, в тёмной комнате, стояли часы на половине пятого, и никто их не заводил.

Девятого сентября второй законный представитель Майи уже заказывал оценку бабушкиной квартиры для опеки. Второй у Майи был только один. Девятого сентября Майя ещё жила дома, ела на завтрак хлопья с шоколадом, а вечером Ксения проверяла у неё русский и ругала за «Ж».

Глава 8. Подпись с приказа

В воскресенье вечером Ксения разложила на кухонном столе всё, что у неё было, как раскладывала реактивы перед лабораторной: слева направо, в порядке использования.

Иск, двадцать три листа, с приложениями. Заключение «Гармонии». Характеристика Инны Сергеевны. Показания Златы. И последний лист приложений, до которого она в среду не дочитала: на показаниях Златы бумаги расплылись перед глазами, и она закрыла папку: «Копия информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство». Мельник приложил его, чтобы суд видел: пациентка была, пациентка подписала.

Справа лежала папка Аллы Георгиевны. Приказ о жюри, лист регистрации, протоколы, апелляция Ромы Кузнецова, фотографии с метаданными.

Ксения налила себе чай, поставила на подоконник и забыла о нём.

Сначала время. Она взяла чистый лист в клетку и начертила таблицу, как для лабораторного журнала. Слева столбец: «Время». Справа два: «Аничков дворец» и «Гармония».

8:52 — расписалась в листе регистрации жюри.

13:40 — начало рассмотрения апелляции Кузнецова, присутствовали: председатель, два члена жюри, мать участника.

13:55 — фото: за столом с матерью Кузнецова.

14:00 — «Гармония», Большой Сампсониевский: начало «первичной консультации», врач Гольдин.

14:08 — фото: за столом жюри.

14:10 — окончание апелляции, подпись в протоколе апелляции.

14:20 — подпись в протоколе проверки.

14:26 — фото: подписывает протокол.

Ксения посмотрела на таблицу. Если бы это была контрольная, она поставила бы ученику «пять» за наглядность и написала бы на полях: «Вывод?»

Вывод был простой. Она не могла находиться в двух местах одновременно. Человек не может. Это не химия, это физика, седьмой класс.

Потом подпись.

Она взяла лист согласия. Ксерокопия, чёткая, хорошего качества. Её фамилия, имя, отчество, паспорт, адрес, телефон. Галочки в квадратиках: «согласна», «согласна», «согласна». Внизу, над строкой «подпись пациента», подпись. Её подпись. Размашистая «Л» с длинным хвостом вниз, через «а» к «в», и завиток в конце.

Ксения смотрела на неё и думала о том, что Штерн сказал вскользь: «Почерковедческую экспертизу назначим, это недели».

У неё не было недель.

Она пошла в комнату, к письменному столу, достала из ящика лупу. Большую, лабораторную, с подсветкой, на ножке: ей подарили выпускники три года назад, с гравировкой «Лучшему химику». Включила свет. Положила лист под лупу.

Подпись под стеклом стала огромной, рыхлой. Ксерокс разбил линию на точки. Но форма читалась: вот хвост от «Л», вот петля, вот «в», вот завиток. И вот, на нижней дуге «в», маленький разрыв. Белая щель в линии, миллиметра полтора. Будто ручка перестала писать, споткнулась о что-то на бумаге, и дальше пошла.

Ксения знала этот разрыв.

Она вспомнила его не сразу. Сначала просто узнала, как узнают знакомое лицо в толпе, не понимая, откуда. Потом вспомнила.

Май. Конец учебного года. Приказ о проведении выпускного вечера четвёртых классов. Она подписывала его у себя в лаборантской, на табурете, на колене, потому что стол был застав-

лен банками с растворами для экзамена у девятых. Подложила под лист журнал. В журнале была скрепка. Ручка наткнулась на скрепку на нижней дуге «в». Ксения тогда ещё подумала: «Испортила». Хотела переподписать. Не стала, некогда было, секретарь ждала.

Она достала телефон. Открыла рабочую почту. Прокрутила вниз, до мая. Нашла письмо от секретаря, Надежды Игоревны: «Приказы за май, сканы, для архива». Открыла вложение. Нашла приказ «О проведении выпускного вечера 4-х классов». Увеличила подпись.

Хвост от «Л». Петля. «В». На нижней дуге «в» разрыв, полтора миллиметра. Завиток.

Ксения положила телефон рядом с листом согласия. Смотрела то на экран, то на бумагу.

Это была не похожая подпись. Это была та же самая подпись. Один и тот же росчерк, с тем же разрывом от той же скрепки, с теми же углами, с той же длиной хвоста. Человек не может расписаться дважды одинаково. Рука всегда даёт разброс: на миллиметр, на градус, на нажим. Ксения сама показывала это девятиклассникам на уроке про погрешность измерений: «Распишитесь пять раз и наложите на свет».

Наложите на свет.

Она встала, пошла в прихожую, к шкафу, где лежали её рабочие вещи, и вытащила из сумки пачку прозрачной плёнки для старого кодоскопа. Гимназия до сих пор держала два кодоскопа в кабинете физики, и Ксения на уроках иногда рисовала на плёнке молекулы маркером, потому что интерактивная доска вечно висла. Плёнка для лазерного принтера, по десять листов в пачке.

Принтер стоял в Майиной комнате, на полке над столом. Ксения распечатала скан приказа на плёнку, в натуральную величину, и проверила масштаб линейкой по строкам: строка в строку. Потом положила плёнку на ксерокопию согласия, совместила строчки, придавила пальцами.

Подпись легла на подпись.

Хвост на хвост. Петля на петлю. Разрыв на разрыв. Завиток на завиток. Ни миллиметра расхождения. Как будто это была одна линия, напечатанная дважды.

Ксения сидела над столом и смотрела, как две её подписи, чёрная на прозрачном и серая на бумаге, сливаются в одну. Потом сняла плёнку. Положила рядом. Снова наложила. Ничего не изменилось.

Это не почерк. Это скан.

Кто-то взял её подпись с майского приказа, вырезал в графическом редакторе, вставил в бланк согласия и распечатал. И не подумал, что на подписи есть скрепка.

Она сфотографировала наложение. С трёх сторон, с лупой и без. Отправила Штерну. Потом, подумав, отправила Егору.

Егор ответил через четыре минуты, хотя было одиннадцать вечера.

«Это сильно. Где был скан приказа?»

Ксения смотрела на вопрос.

Приказы гимназии сканировала секретарь, Надежда Игоревна, и складывала в общую папку на школьном сервере. «Приказы», подпапки по учебным годам и месяцам. Доступ к папке был у директора, у трёх завучей, у секретаря, у бухгалтера, у школьного психолога и у социального педагога. Ксения сама составляла этот список прав доступа в прошлом сентябре, когда школа переходила на новый сервер.

Восемь человек. Не считая тех, кому кто-то из восьми мог переслать файл.

Она написала: «В общей папке гимназии. Доступ у восьми человек».

«Кто из восьми знает вашего бывшего?»

Ксения подумала. Директор видел Тимура на родительских собраниях, когда Майя пошла в первый класс. Завучи, может быть, тоже. Инна Сергеевна. Инна Сергеевна получила запрос от Мельника и написала характеристику на Майю. И покраснела пятнами, когда Ксения спросила, говорила ли она с кем-нибудь.

«Не знаю», написала она. Это была правда.

«Узнаем», ответил Егор. И через минуту: «Спите. Завтра понедельник».

Она не спала. В половине пятого, как всегда, проснулась и пошла на кухню. Таблица времени лежала на столе, плёнка на ксерокопии. За окном, на Тринадцатой линии, проехала уборочная машина, мигая оранжевым. Ксения села у окна, поставила чайник и не плакала. Впервые с марта в половине пятого она не плакала. Она думала.

В понедельник, в восемь двадцать, она стояла в канцелярии гимназии, у шкафа с архивом. Надежда Игоревна, секретарь, полная, добрая, в цветастой блузке, удивлённо смотрела, как завуч листает папку с оригиналами приказов за май.

— Ксения Валентиновна, вам что-то найти?

— Уже нашла.

Оригинал приказа о выпускном четвёртых классов лежал на своём месте, подшитый, с синей подписью. Ксения провела пальцем по подписи и нащупала на нижней дуге «в» крошечную вмятину. След от скрепки.

Ночное наложение доказывало, что подписи одинаковые. Как это сделали, оно не доказывало. Мельник скажет: у аккуратных людей подпись устойчивая, завуч расписывается по сто раз на дню, вот и совпало. Опыт без контрольного образца не опыт. Это Ксения повторяла девятиклассникам на каждой лабораторной.

— Надежда Игоревна, можно я у вас на копире поработаю? Десять минут.

— Да господи, работайте. — Надежда Игоревна покосилась на коробку с бумагой под столом. — Только Борис Ефимович лимит ввёл, пачка в неделю на канцелярию. Вы уж не всю.

Копир в канцелярии был старый, большой, с крышкой, которая не закрывалась до конца. Сканы он отправлял сразу в общую папку «Сканы», в низком разрешении, чтобы не забивать сервер.

Ксения взяла из коробки чистый лист и расписалась на нём три раза своей обычной синей ручкой. Отсканировала. Надежда Игоревна ушла к директору с журналами, и Ксения села за её компьютер. Открыла скан, обвела прямоугольником одну из трёх подписей, вырезала и вставила в пустой бланк заявления на отпуск, над строкой «подпись». Распечатала. Потом сдвинула на копире ползунок «темнее» до упора и сделала две копии: с распечатки и с живого листа, где подписи стояли от руки. Третьим положила на стекло согласие из иска.

Лупа была у неё в сумке, с ночи.

На копии живого листа фон потемнел ровно, как мокрый асфальт, и подписи лежали на нём без всякой рамки. На копии распечатки вокруг подписи проступил прямоугольник. Бледный, чуть светлее фона, с прямыми краями, как окошко: кусок чужой бумаги, который сканер прихватил вместе с подписью и который на белом бланке был не виден, пока его не проявили. На петле «в» край шёл мелкими ступеньками. Сканер в низком разрешении режет кривую на клетки, принтер печатает клетки, копир их повторяет.

Ксения положила рядом третью копию. Согласие «Гармонии». Вокруг её подписи стояло такое же окошко, только шире, с захватом строки, а на петле «в» были те же ступеньки.

Она подписала карандашом на обороте каждого листа: «живая», «вставка», «согласие», дату и время. Восемь сорок одна.

В дверях стояла Надежда Игоревна с журналами и смотрела на свой монитор, где был открыт бланк заявления на отпуск с подписью Ксении.

— Ксения Валентиновна, — сказала она. — Вы что, сами себе отпуск подписали?

— Нет. — Ксения закрыла файл, не сохраняя, и удалила свой скан из «Сканов». — Проверяла, как быстро это можно сделать.

— И как?

— Четыре минуты. И три листа ваших. Простите за лимит.

Надежда Игоревна поставила журналы на стол и осталась стоять. Посмотрела на копир долгим взглядом, каким смотрят на соседа по даче, когда узнали про него лишнее.

— Надежда Игоревна, — сказала Ксения. — Скажите, а кто-нибудь просил у вас сканы майских приказов? Кроме общей папки. Лично. По почте.

Надежда Игоревна подумала.

— Ой, да не помню, Ксения Валентиновна. Много кто. Летом же отчёты для комитета. Борис Ефимович брал, бухгалтерия брала. — Она поправила очки. — Инна Сергеевна, кажется, просила. Для портфолио, что ли, у неё аттестация была.

— Когда?

— Ну, в августе. Или в конце июля. Не помню точно.

Ксения закрыла папку и поставила на полку. Одна из восьми.

Не почерк. Скан. С её приказа. Из её гимназии. Кто-то из тех, с кем она шестнадцать лет пила чай в учительской, достал её подпись из папки и отдал тем, кто забрал у неё дочь.

Звонок на первый урок застал её на лестнице. Она остановилась между этажами, разложила на подоконнике три листа из канцелярии, окошко к окошку, сфотографировала и отправила Штерну.

Ответ пришёл к концу урока, пока восьмиклассники писали самостоятельную.

«Завтра в пять у Марго. Будет человек из полиции. Оригиналы с собой. И никому в гимназии ни слова, Ксения Валентиновна. Ни одному из восьми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.